

Слава героям Днепра!

ОГИЗ
САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1943

В сборнике „Слава героям Днепра" помещён материал, опубликованный в центральных газетах

★

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕРОИ БОЁВ ЗА УКРАИНУ

К славному перечню 201 советского воина, которым присвоено 16 октября высокое звание Героя Советского Союза за успешное форсирование реки Днепр севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу Днепра и проявленные при этом отвагу и геройство, присоединяется печатаемый сегодня перечень 306 бойцов и командиров Красной Армии, также удостоенных звания Героя Советского Союза за боевые подвиги при форсировании Днепра.

Эти перечни сами по себе говорят о размере боёв за Днепр. Они говорят и об ожесточении этих боёв, о том беспримерном мужестве, которое проявляют части Красной Армии, об их бесстрашии и воинском мастерстве. Сражение за Днепр приняло поистине эпические размеры. Никогда еще не выделялось из множества храбрых советских воинов столько сверххрабрых. Красная Армия, давшая уже миру столько примеров воинской отваги, слово превосходит самоё себя. С глубоким волнением читает наш народ имена новых Героев Советского Союза. Не щадя своей жизни,

увлекая своим примером других, они утверждают за Красной Армией правый берег Днепра и закладывают твёрдую основу освобождения всей правобережной Украины.

Борьба за Днепр—это борьба за всю Украину. Стремительным натиском доблестная Красная Армия изгнала немцев-захватчиков из левобережья Украины, освободила Харьков, Полтаву, Сумы, Чернигов, Сталино, Ворошиловград, Запорожье. Совершено великое дело! Миллионы граждан Советской Украины возвращены в родную семью. Красное знамя снова развевается над Донбассом. Украинская земля, поруганная фашистскими зверями, очищена, дышит снова чистым советским воздухом, возвращается к свободному, благородному, честному труду.

Изгнанные из левобережья Украины, немцы надеялись сохранить за собой Днепр и правобережье. Они рассчитывали остаться господами Киева, Одессы, Житомира, Днепропетровска, Львова. Они ещё лелеяли разбойничью мечту остаться на Украине рабовладельцами. Гитлеровцы знали, что сулит им потеря всей Украины. Они сами распространили по всей Германии, по вассальным странам весть о том, что Украина является базой их военного снабжения, что только Украина даст им возможность оказывать длительное сопротивление. Гитлеровская печать не жалела красок, расписывая богатства Украины, обещая изголодавшимся

немцам обильную добычу—украинскую пшеницу, сахар, сало.

Днепр должен был стать для немцев крепостью, охраняющей награбленное украинское добро. Таков был замысел Гитлера. Таковы были его стратегические планы. Но они биты Красной Армией. Днепр уже не принадлежит немцам. Бои идут на правом берегу, и тщетны были усилия немцев сбросить в реку первые переправившиеся красноармейские части. Немцы бешено бросались на советских воинов, проложивших грудью путь через Днепр для основных переправляющихся частей. Против немецких контратак передовые части Красной Армии выставили своё мужество, свой беззаветный порыв, свою непреклонную решимость.

Каждое имя в перечне Героев Советского Союза, публикуемом сегодня,—это и героический эпизод, это волнующий рассказ о силе и красоте советского воина-патриота. Что заставляло их бросаться со всей страстью боя против ненавистного врага? Что дало силу их натиску, сломившему сопротивление врага?

Ответ на этот вопрос краток: Родина!

Они дрались за Днепр, за Украину—за родные, близкие, дорогие места. Их подхватил и увлёк святой порыв, заставляющий забыть все иные чувства, кроме одного: вперёд за Родину!

Они пришли к Днепру из разных мест Советского Союза. Публикуемый сегодня, как и

вчера, перечень Героев Советского Союза горит, сверкает, переливается многоцветными национальными красками. Он таков же, как великое многонациональное советское государство. В нём выражено братство народов Советского Союза. На правом берегу Днепра сошлись и вместе дрались, друг другу помогая, друг друга выручая, старший сержант Акимов Фёдор Филиппович и капитан Рыбалка Алексей Васильевич, и гвардии старший лейтенант Иванов Валентин Прокофьевич, и гвардии ефрейтор Айткулов Салим Нигматович, и гвардии младший лейтенант Акбаулов Уразадюс Тавбаевич, и красноармеец Алиназаров Садык, и старший лейтенант Лев Рафаил Фроимович, и гвардии сержант Садыков Баты Бай, и ещё многие другие, у кого имена звучат разно, а душа одна,—душа пламенного советского патриота. И для всех их, на всех языках народов Советского Союза одинаково призывным именем звучит: Украина!

Украина!—безмерна в эти исторические дни любовь к тебе твоих сынов. Кровь вскипает в их жилах при мысли о том, что немцы в дикой злобе, в бешеной ярости жгут Киев, разрушают его исторические памятники, превращают в развалины Крещатик, оскверняют святыни, которым поклоняется всё славянство, как сокровищам своей культуры. С сынами украинского народа, как с братьями, в эти исторические дни все народы советской стра-

ны. Огни героических боёв освещают великую дружбу народов. Киев дорог всем им.

Днепр уже освобождён от немцев в своём среднем течении, близок час освобождения Киева, и это зовёт советских воинов к новым подвигам, к энергичному, безостановочному движению вперёд.

Страна читает списки Героев Советского Союза, несущие славу тем местам, городам и сёлам, тем семьям, которые вырастили, воспитали этих отважных людей. В этих списках— залог того, что Днепр, форсированный в разных местах, весь, полностью, от истоков до устья, будет в руках Красной Армии, что немцы дорого заплатят за попытки удержать его за собой, что весь правый берег станет несокрушимой опорой для дальнейшего победного движения вперёд, что будет свободна вся Украина—от края до края!

(Передовая „Правды“ 18/X 1943 г.)

ПЕРЕД КИЕВОМ, НА ДНЕПРЕ

Белые песчаные дюны. Чёрные, уже холодные брёвна пожарища. Синяя вода. И за синей водой город на высоких холмах. Стоит на минуту закрыть глаза и памятью, мыслями, старой болью, не оставлявшей нас все эти два года, как прижившийся в человеческом теле осколок, вспомнить Киев таким далёким, каким

он был для нас в дни Сталинграда, на Волге, за Кубанью, за Доном, за Тереком,—и чудом кажется эта минута, когда снова открываешь глаза и видишь с левого днепровского берега милый наш Киев. В многолюдной семье советских городов он был одним из самых красивых и самых счастливых братьев. Его оторвали от нас, и таким далёким он стал, что путь к нему измеряли всей землёй, разделившей нас, всей кровью этой земли, друзьями, погибшими в Приднепровье, ночными слезами о них, слезами, которые наутро сушил ветер боя.

И вот мы снова у Киева. Белый песок у Днепра, такой мягкий и лёгкий, что вспоминаются детство и игры в песке. Громада сражения передвинулась в обе стороны по Днепру и за Днепр ушла, а тут странная тишина тяжело нависла над городом, над лаврой, венчающей холм, над домами прибрежных кварталов, над рекой, посиневшей от холода. Всё, как во сне, всё не верится встрече.

На том берегу, боясь выдать себя раньше времени, молчат немецкие батареи и пулемётные гнёзда. На виду у них вцепились в песок, окопались, зарылись и ни за что не отступят назад наши пехотинцы на Трухановом острове, где и зарыться-то некуда, всё плоско и голо, песок и вода. Но перед Киевом даже песок для нашей пехоты стал крепче гранита. Ночью обманчивая тишина взрывается немецкими залпами. Стрельба с того берега сводит реку, как

судорога. Осколки с воем гаснут в холодной воде, и залпы внезапно захлёбываются. И опять тишина, тяжёлая, грозная, чреватая бурей.

Покинем на время эти места, оставим предмостный посёлок у Киева, сожжённую Дарницу, мёртвые Бровары, тлеющие дачи на белом песке среди сосен, гранитную дорогу на берегу со взорванным мостом. Окинем взглядом киевские холмы, зарево над Подолом, безмолвие камня. Мы ещё вернёмся сюда и будем на самых холмах, в милых осенних садах над Днепром, будем в Киеве. А теперь время быть на земле, куда передвинулся бой.

* * *

Переправы.

Ночью, а если наберётесь смелости, то и днём, вас приведут к новым мостам, обожжённым немецкими бомбами, проломанным и вновь восстановленным. Дерзостью русских сапёров срастаются воедино днепровские берега. Их не разорвать теперь немцам. Бой перекинулся на правобережье. Днепровская вода стала опорой штурма наших войск. Вода в местах переправы будет твердью, гранитом; здесь трудится русский сапёр. Назад пути нет, о нём никто и не мыслит. И наши войска рвутся вперёд, расширяя захваченные плацдармы.

Огневой вал артиллерии пылает на правом берегу, и войска идут на него, как на свет новой зари. Предутренний туман встаёт над землёй в районе Киева, но это туман штурма,

войны, это дымы артиллерии. Переправы питают бой патронами и снарядами, потоком штурмовых батальонов, боезапасом, полковыми обозами. Теперь переправа—это мост, скреплённый железными крючьями, выдерживающий тяжесть танков. Первые переправы едва несли на себе человека. Ни дерева, ни железа, ни мостов, ни понтонов. Немцы считали Днепр неодолимой преградой. Они ошиблись. Наши солдаты, пробившиеся к Днепру, с хода перенесли бой на воду, кинулись вплавь, сделали самую воду дорогой, плыли не только на баркасах, лодках, плотах, но и на дощатых воротах, притащенных из сожжённых немцами крестьянских усадеб, плыли на бочках, набитых соломой мешках, на всём, что держит вода, за что человек может ухватиться рукой. И немцы увидели, как Днепр рушится на них свинцовыми брызгами из клокочущей штурмом воды, взводами штурма, переплеснувшего первых бойцов на тот берег, первым залпом пехоты с песчаных отмелей правобережья. Песок и вода. Песок, вода и огонь. Ночь. Днепр. Переправа.

Первых наших бойцов бросила в воду не только инерция боя на предмостных укреплениях немцев, не только знакомое солдатам упоение штурмом. Их повёл в воду железный расчёт командиров. Отвага и разум соединились в этом беспримерном броске с хода, без отдыха, без передышки—за Днепр, на тот берег. Немецкие войска отходили к Днепру, стекались

к немногочисленным днепровским мостам. В местах переправы фронт немецкого отступления принимал форму воронки: поток немецких дивизий в районе мостов, узкое горлышко переправы. Из этого горлышка немцам предстояло вновь растекаться по правому берегу, занимать оборону. Самый нужный, самый счастливый момент для наших штурмующих рот. Перебросить первых бойцов через Днепр, пока воронки немецкой переправы ещё бурлят отступлением, пока поток немецких дивизий ещё не полностью разлился по сторонам и не застыл плотным фронтом на том берегу.

Так начиналось это сражение. И были ночи переправы, ночи героев. Вспомним о них теперь, когда через Днепр перекинулись крепкие наши мосты, когда переправы охраняются батареями зенитных орудий, когда не отдельные бойцы, а целые дивизии идут на ту сторону. А в первую ночь успех переправы решался на многих участках дерзостью одиночек, упорством мелких подразделений. Дул сильный ветер. Днепр беспокойно шумел и метался во мгле. Давно не запомнят в тех местах такой непогоды. Небо затянуло чёрными тучами, мгла стала стеной от земли до самого неба, глухого, беззвёздного. И на том берегу были немцы, их пулемёты, их батареи, и тот берег высокий...

Вспомним это сегодня на крепких наших мостах через Днепр.

В батальоне капитана Саввы, в роте старшего лейтенанта Лещенко вызывались охотники. Одной только смелости мало, нужны хватка, цепкий хозяйственный ум, умелые, хитрые руки. Легко умереть, а надо добраться живым. Мостов уже не было, мосты немцы взорвали. Бойцы искали лодок, и не было ни одной лодки, немцы сожгли их. Две посудины бойцы притащили волоком. Две других, дырявых, рассохшихся, обнаружили где-то в сарае. К Днепру спешили мощные инженерные части, но первым бойцам не было времени ждать. Лодки они отыскали, но вёсел не оказалось, и вёсла сделали сами. Можно плыть? Переправа назначена на три часа ночи.

— Погоди,—говорит кто-то, видно, человек прочной и основательной мысли.—Погоди, не всё ещё. Вёдра ищите.

Вот что порою годится для боя—обыкновенные вёдра. Лодки были худые, сквозили щелями. Вёдра понадобились, чтобы вычерпывать воду. А немцы били с того берега миномётами и артиллерией, в грохоте канонады бойцы искали на пепелищах вёдра. Вёдра нашлись, и началась переправа, одна из многих в ту ночь.

Первые наши люди вышли на воду, оттолкнулись веслом и скрылись во мгле, в неизвестности. Так мало их было на этом участке, намеренно мало в первоначальном этом броске через Днепр, что четырёх утлых лодчонок хва-

тило на них. На первой посудине сидел и грёб вместе с бойцами старший сержант Нефёдов, и ещё был на той лодке станковый пулемёт. На второй лодочке командовал сержант Новосильцев, с ним плыли другие бойцы этой группы и ещё ручной пулемётчик. На последних двух посудинах разместились остальные охотники.

Лодочки сразу глотнули воды, Днепр бил в них сильной волной. Вёдра пошли в ход с первых взмахов веслом. Не успели проплыть семьдесят метров, как лодки затяжелели, Днепр потянул их на дно. Волна швыряла лодчонки из стороны в сторону, в темноте не стало видно, где левый берег, где правый, ветер рвал пену клочьями, а малая группа бойцов, избитых бурей, делала много дел сразу. Бойцы гребли, черпали вёдрами воду, искали и снова теряли, и опять находили курс на тот берег, и берегли оружие, чтоб не намокло и не отказало потом в самое нужное время. Ветром лодочки растаскивало далеко одну от другой, а нельзя было допустить, чтобы и без того малую группу людей разметало и чтоб потом немцы расправились с каждой лодкой в отдельности. И на это ушло больше всего сил — держать лодки по возможности вместе. Путь через Днепр отнял у людей старшего сержанта Нефёдова полных два часа времени. У иных руки были в крови, у других спины свело — у тех, что два часа сряду качались с

вёдрами, как заведённые, вниз и вверх, вниз и вверх, и ещё на коленях, иначе сдуло бы ветром. А немцы били с холмов по воде.

Так бойцы дотянули до правого берега.

Только тут и начиналось настоящее дело, хотя других свалила бы с ног одна только двухчасовая гребля в том ночном шквале. Был берег, тёмный, чужой, неизвестный. От самой воды он тянулся песчаной отмелью до кустарника. Дальше берег вздымался крутыми холмами. В кустарнике сидели первые немцы, а наверху нависли над отмелью другие немцы, их настоящая сила, в траншеях и дзотах.

И против них вышла на берег горстка наших бойцов. Тут же, в песке, в двух шагах от воды стали они зарываться. В песке они дрались ночь и ещё день, и ещё первые часы второй ночи, когда перебралась к ним вся рота Лещенко, и тогда стало легче.

Так было во многих местах на Днепре.

* * *

В ночной темноте нашим бойцам помогали чьи-то невидимые, неизвестные руки. Спустя четырнадцать часов боя, когда Новосильцев был ранен и нужно было его переправить, его переправили, но кто—неведомо до сих пор никому. Он был без сознания и не знает, не видел. Бойцы тоже не знают, бойцы держали переправу, у них не стало времени выполнить вторую задачу—отправить назад четыре своих

лодчонки для следующих бойцов. Когда потом подползли бойцы к берегу, лодчонки чьими-то руками были доставлены в нужное место, а с ними, в беспамятстве, раненый Новосильцев. О таком ночном деле сразу родились легенды. Говорили о какой-то старушке, у которой немцы угнали дочерей и сынов на Берлин, и в ту ночь она, якобы, пособляла бойцам. Работник армейской газеты искал потом старушку на всём берегу. Никого не нашёл он. Но чьи-то руки, как бы там ни было, сделали нужное дело, лодочки оказались на левом берегу, а с ними спасён, доставлен к врачам Новосильцев.

Это—первая ночь переправы. Отряд Нефёдова, двенадцать бойцов, зарывшись в песок, отразил тогда три немецкие контратаки. Когда через сутки началась четвёртая контратака, самая страшная, её отбивала уже во-время подоспевшая рота. Штурм наш наращивался, за ротами шли полки и дивизии, и уже наводились большие мосты сапёрами. Днепр во многих местах переходил в руки Красной Армии. Бойцы майора Подсекайло втянулись в правобережье, бились всю ночь и ещё один день, и тогда в бессилии отвалились от них восемь волн немецкой контратаки. Бойцы Подсекайло с боями протискивались сквозь толщу немецкого фронта. В глубине они захватили пять вражеских пушек. Все пять были обложены минами. Мины убрали. Три пушки ока-

зались исправными. Их повернули в сторону немцев. Командир батальона капитан Чупай первым повёл из тех пушек огонь.

А немцы всей силой, согнанной из глубины, всеми дорогами, всеми резервами накапливали ответный удар. Тем ударом они собирались столкнуть наши роты обратно в воду, в Днепр, на дно, на гибель, на смерть. Появились немецкие танки и бродячие, выскакивающие из-за холмов, стреляющие в упор „фердинанды". У наших бойцов не было за спиной иной опоры, кроме Днепра, ставшего в их сознании крепче гранитной стены. То, что слабому духом грозит смертью и гибелью, становится для сильных опорой. Днепр мог стать для иных гибелью. Он стал их победой.

Русская пехота выстояла. На восьмой немецкой контратаке впереди роты появился командир полка майор Грибовский. Он позвал за собой автоматчиков. Не оборачиваясь, майор побежал вперёд, увязая в песке. И по тому же вязкому песку побежала за ним на высоты вся наша пехотная рота. И другие роты справа и слева шли от Днепра в таком же песке, увязали, падали и опять поднимались, а немцы били с холмов, но за русскими был Днепр, и он был, как стена.

Первая ночь. Кто забудет её из бывших в бою? Кто забудет семерых солдат переправы, семерых гребцов, награждённых дважды в ту днепровскую ночь? Оказавшись на берегу,

когда не оставалось ни минуты на передышку, семеро солдат отыскали рыбацкие лодки и не встали от вёсел, пока не сделали сорок восемь рейсов под ураганным огнём. Семеро солдат переправили за ночь целое подразделение нашей пехоты—в буре, во мгле, в дожде, слепившем глаза. На берегу все семеро помогали грузить ящики и мешки, патроны и снаряды, потом опять садились на вёсла: сорок восемь рейсов через вздыбленный снарядами Днепр.

Летучая молва распространилась по берегу, молва о семерых „покорителях Днепра"—так их прозвали. Медалями „За отвагу" их наградил сперва командир полка. В ту же ночь на одном из рейсов им вручил ордена Красной Звезды командир дивизии. Вот имена шестерых—Конак Дмитрий Семёнович, Гроссман Лев Евгеньевич, Сокольников Николай Михайлович, Третьяков Иван Владимирович, Хроменков Алексей Егорович, Трофименко Пётр Кондратьевич. А седьмой солдат переправы—Баряк, имя Евгений, отчества бойцы не запомнили. В ту ночь он погиб Он был ранен, но вёсел не оставил, продолжал грести, пригнал лодку к берегу и умер там на руках у товарищей. Евгений Баряк, седьмой солдат переправы, посмертно награждён орденом боевого Красного Знамени.

Такова эта ночь. Песок и вода. Песок, вода, и огонь. Днепр. Переправа. Штурм.

В ту первую ночь переправы, во мгле, на ветру, в бурных волнах Днепра, на белом песке, который впитывает кровь легко, как воду, держались на краю отмели наши взводы. Мягок и рыхл днепровский песок, но люди вцепились в него, и немцы не смогли ни выжечь их огнём, ни вытолкнуть минами и снарядами, ни вдавить в песок бомбами с „Юнкерсов". Цепкость первых людей на песке была такой силы, что теперь она вытянула на правобережье вслед за взводами большие массы пехоты, танки и кавалерию. Но путь всем родам войск во многих местах открывали те первые люди в песке.

Теперь плацдарм наших войск на правом берегу измеряется не одним километром. Тогда это был кусок рыхлой земли, голый берег перед холмами. А на гребне холмов в траншеях и дзотах, защищённые брустверами, сидели немцы. И наш человек на песке, когда солнце поднялось над Днепром, стал им виден отлично. На белом песке солдатская шинель выглядит чёрной, и сверху стрелять по чёрному человеку на белом песке удобно. И немцы стреляли с холмов.

А советский человек держался. И такие, как он, вытянули за собою дивизии.

В ту ночь было много солдатских, военных чудес, солдатского, военного счастья. Но ведь счастье само, своей волей только в сказках приходит. В жизни его ведёт за собой человек.

В бою счастье надо силой тащить, оно упирается, но если вытащил, тогда победа—твоя.

К взводу Михаила Бердышева, сержанта пехоты, солдатское счастье пришло как будто само. Взвод Бердышева переправился на тот берег. У подножья холмов он продержался сутки, хотя огонь был такой, что, казалось, весь высокий берег днепровский рушится на ямы, наспех вырытые бойцами. Взвод Бердышева был вооружён только автоматами и пулемётами, большего переправить не удалось. Взводу пришлось тяжело, и много часов он тащил своё солдатское счастье из-под носа у смерти, и часто оно вырывалось из натруженных вёслами, чёрных от похода и боя, только кровью умытых рук пехотинцев. Как они продержались, теперь и сами не помнят.

Был час, самый худой, когда немцы пошли в контратаку. Сколько их было, в темноте не увидел никто, а мерили их число только по огню, сжигавшему берег. И тут во мглу перед отмелью, в ночь, кишевшую немецкими голосами, откуда-то справа стал бить миномёт. Мины прилетали и рвались из такой же неведомой темноты, и там, где падали мины, ночь начинала кричать немецкими голосами, немцы там помирали.

Невидимый, неузнанный в ту ночь миномёт вырвал для взвода его солдатское счастье. Мёртвые немцы остались в песке, а живые ушли. Шестнадцать наших бойцов, и раненые, и не-

вредимые, так и не поняли, откуда и кто бросал мины, чей был одинокий тот миномёт. По звуку полёта и взрывам можно было судить, что бил он уже с правой стороны Днепра, но откуда-то сбоку, где будто никто в ту ночь не высаживался.

Но миномёт бил и бил одиноко из мглы и сшиб с холмов немецкую контратаку, закрыл огнём людей на песке, державших штыком и винтовкой своё солдатское трудное счастье.

Чей же это был миномёт?

Уже дивизии переправлялись по наведённым мостам, уже Днепр перестал быть преградой для нашего штурма на этом участке, когда в армейской газете, занявшейся поиском неизвестного миномётчика, наконец, напали на его следы.

Следы эти вели туда же, на рыхлый днепровский песок.

В первую ночь переправы на лодках был погружён всего один миномёт. Его придали группе Николая Суворова, такой же немногочисленной, как и группа Бердышева. Бойцы Суворова переправлялись на резиновых лодках, они могли захватить оружие потяжелее, чем винтовки и автоматы, и они этот полезный груз захватили.

Но о днепровском солдате Николае Суворове следует рассказать отдельно.

* * *

Худой, длиннолицый, с беспокойным блеском в глазах, видимо, силой воли умерявший в себе постоянное нервное возбуждение, Суворов сидел как-то в шалашике, куда загнала его на время простуда, и рассказывал о своём солдатском житье. Было это задолго до переправы. Армии наши продвигались к Днепру. Николай Суворов рассказывал, как удалось ему отбить у немцев село, мало кому известное, но в донесении отмеченное, как трудный орешек, который грызть пришлось долго. Село находится примерно в сотне километров от днепровской воды. Немцы, прикрывавшие свои переправы, держали село зло и упорно, повинуясь штабному приказу. Засели в том селе смертники, которым терять было нечего, провинившиеся головорезы, поставленные в гибельном месте—умереть или купить прощение кровью.

Суворов командовал на том участке взводом разведки. Явившись к командиру, он заявил:

— Разрешите взять село силою взвода.

Командир взглянул на него удивлённо.

— Тут с батальоном трудились, а ты хочешь взводом! Экой ты. Хорошо, выкладывай свои планы, посмотрим.

Суворов сказал коротко, что планов особенных нет, а просто село это ему известно, в нём он родился, там жили, а, может, и поныне живут, его старики, а, пожалуй, и ещё кто-нибудь. Так вот, разве не следует таким слу-

чаем воспользоваться для военной удачи? Командир согласился, что следует, дал указания о времени и условных сигналах ракетами и приказал Николаю Суворову предложенный план немедленно же осуществлять.

И Суворов пошёл со своим взводом разведки. Шёл он ночью, памятью высветлял в темноте места, оставленные им ещё восемь лет назад, места милого детства, первой любви, раннего счастья и забытого горя. В темноте он вёл бойцов тропами детских игр, где воевал когда-то самодельными деревянными ружьями, обогнул людную дорогу, заброшенными разработками торфа вышел к развалинам кирпичного завода и оттуда—к селу, но не с фронта, а с тыла, где немец не так насторожён.

В первой хате от края села восемь лет назад проживала знакомая девушка Валя. Это имя командир взвода разведки вспомнил не только по военной надобности. Имя помнилось само собою все эти годы. Суворов решил к родителям не итти, не пугать их и не радовать прежде времени, чтобы ночным стариковским волнением не помешать осуществлению плана. Суворов решил, что подруге будет легче помочь ему, и пошёл в крайнюю хату.

Его узнали, но он, худой, нервный, колючий, как человек трудного боя, сразу сказал, что разговоры будут потом, а сейчас пусть посчи-

тают ему, сколько немцев в селе, где их охрана и какие ведут к траншеям ходы сообщения. Девушка всё поняла и всё сразу сказала. Суворов, видно, явился в ту ночь перед нею как сновидение.

Взвод разведчиков, расставленный так, чтобы немцам почудился в их тылу целый батальон русской пехоты, по знаку Суворова открыл огонь сразу из всех винтовок и автоматов. Началась во мгле кутерьма. Немцы кинулись в тыл затыкать дыру своей обороны, а Суворов, всё больше навлекая их на себя, кинул в небо ракеты. С той стороны села ракеты видел командир батальона и, как было условлено, повёл наступление с фронта, ворвался с бойцами в траншеи, смял немецкую оборону. И село было взято.

Тогда лишь Суворов пошёл к своим старикам. Он и не рассмотрел их как следует, потому что в хату набилось народу видимо-невидимо, всё село. Какие-то деды, которых Суворов не помнил в лицо, обнимали его, кололи жёсткими бородами, хлопали по плечам и гудели:

— Колька-освободитель, ишь, как подрос малой! Ничего, ничего, мужик стал серьёзный!

Освободитель выпил с дедами водки, деды ушли. Оставшись среди своих, Николай Суворов вспомнил, что не видит в избе младшего брата. Где он?

— Скоро придёт,—ответил отец.—Прячется.

— Прячется? Где же прячется?

— В ямах второй год прячется. А то бы угнали. Семнадцатый год пошёл ему.

Брат вскоре явился. Суворов не узнал его. Восемь лет назад тот был совсем мальчиком, тихим, спокойным, и с детства он заикался слегка. Молча юноша обнимал старшего брата, а на расспросы не отвечал, будто рот его свело спазмой.

— Что ты? —спросил Суворов.

— Немцы с первого дня запугали, —сказала мать. — Совсем говорить не может.

И юноша улыбался. Улыбка у него была смущённая, виноватая.

И Суворов взял его бойцом в свой собственный взвод. Вместе они воевали до самого Днепра. В боях младший брат отошёл, дар речи вернулся к нему, осталась только лёгкая заминка в словах, знакомое детское заиканье. И вместе два брата вошли в сражение на пороге Днепра, куда тысячи таких же бойцов принесли свои судьбы, отдавая их общему делу победы. Два брата вошли неразлучно в ту днепровскую ночь—ночь переправы. Взвод Николая Суворова переправлялся на резиновых лодках. И взял с собой миномёт.

Это и вспоминают теперь, когда армейские люди ищут объяснения тайне солдатского счастья там, на песке, где взвод Бердышева был спасён минами, разившими немцев из мрака, неизвестно откуда, из бури, из грома-

ды ночного сражения, о котором потомки сложат легенды. Николай Суворов и весь его взвод, и меньшой брат Суворова не вернулись из битвы. Жизнь их отдана днепровской победе. Восстанавливая ход событий в ту ночь, люди штурма узнали, что резиновую лодку разведчиков ветром и волнами отнесло в сторону, и, видимо, взвод не пробился к своим, принял бой там, куда принёс его Днепр, и в смертный свой час дослал последние мины на звук немецкой контратаки с холмов.

* * *

Так приподнимается лишь край завесы над тёмной громадой ночного боя за переправы. Взвод Бердышева на трёх метрах песка. Последние мины Николая Суворова. Это—искры отдельных человеческих судеб, русской воинской чести и русской отваги, малые, но видимые и для далёкого будущего, для наших потомков искры в общем пламени днепровского боя. Бой на Днепре решался гневом и доблестью сотен и тысяч таких солдат, как Суворов. Потомки прославят днепровскую переправу 1943 года, как прославлены в поколениях русских людей гордые дни Измаила, Березины, Перекопа, Чонгара.

Немцы сделали всё, что было в их силах, а силы их ещё велики, берег днепровский высок, и немцы сидят на холмах. Природе они свою судьбу не доверили и в глубине за ре-

кой опоясали холмы глубокими рвами, эскарпами, противотанковыми укреплениями в два яруса. Штурмующая наша пехота после ада ночной переправы, без отдыха, без передышки пробилась к рубежу неприятельской обороны. Препятствие казалось неодолимым. Трёхметровый эскарп был срезан отвесно, будто колоссальным ножом. Ни зацепиться рукою, ни вползти, цепляясь, хотя бы разодранными в кровь ногтями. Штурм грозил задохнуться. Промедление было бы гибельным. На гребне отвесных высот тянулась линия немецких траншей, изрыгавших огонь на головы наших бойцов. Люди вгрызались в толщу эскарпа штыками, но винтовки провисали под тяжестью человеческих тел, и опора рушилась вниз. Не помогли ни лопаты, ни крючья. Стена оставалась стеной. Тогда над взводами штурма послышался чей-то голос:

— Станови-ись! Через меня—вперёд!

Рядовой Семён Немокшонов прижался телом к стене, подставил плечи, и его живое тело стало опорой для атакующих. На плечи его взбирались другие, к немецкой траншее поднималась лестница из человеческих тел, и те, что оказывались наверху, кидали в траншеи гранаты и вслед за взрывом сваливались на немцев для тесного рукопашного боя. Дьявольская преграда стала опорой для нового штурма на высоте, где немцы считали свои позиции неприступными. Семён Немокшонов был

уже наверху, дрался в траншеях, но у подножья эскарпа его пример заразил остальных. Чьи-то плечи стали ступенями для новых рядов, и русский штурм пробил немецкую стену.

Опыт солдата расширяется в пламени боя,— это температура плавления человеческой воли. Бой шёл в лесу, за эскарпом, когда вышел из строя старший лейтенант Набережный. Семён Немокшонов отнёс его в безопасное место, вернулся к бойцам и подал команду:

— Лейтенант ранен! Командовать буду я, рядовой Немокшонов.

Он провёл атакующих сквозь все преграды и лабиринты лесного сражения, пробился на два километра вперёд и там закрепился со взводами.

Это—правый берег Днепра.

На Днепр 1943 года русские дивизии пришли во всеоружии военного опыта, отточенного в обороне и в наступлении, под Воронежем и под Сталинградом, на многих реках, которые пройдены до Днепра, на Дону, на Десне, на генеральных рубежах вражеской обороны, взломанной всюду и оттеснённой за Днепр. Днепровская битва соединила в себе весь разум, весь опыт, всю доблесть предыдущих сражений невиданной этой войны. Русская стойкость в Курской дуге вошла в этот сплав. Русский порыв под Орлом и под Брянском влился в него. Опыт всего русского фронта от пальм Черноморья до мхов Ледовитого океана

огневой лавой прилил к белым дюнам у Киева, затопил переправы, штурмующими дивизиями сжигает и плавит немецкую оборону на том берегу.

Песчаная отмель, где недавно бил одинокий миномёт Николая Суворова, где первые взводы разведчиков зарывались в песок, осталась далеко позади. Под защитой огневого вала, продвигаемого вперёд нашими пушками, под крыльями наших бомбардировочных эскадрилий, в грандиозном сражении, развернувшемся в небе и на земле, штурм пехоты, танков и кавалерии раздвинул границы первых наших плацдармов на том берегу и ломает теперь дальние пояса немецкой обороны у Киева.

А в ту первую ночь громада днепровской битвы началась с того, что одиночные бойцы переправились через Днепр и вцепились в рыхлый песок. Теперь через этот песок прошли наши генералы со своими штабами. Подхватывая замысел генералов, наращивая удар новыми батальонами, полками, дивизиями, эскадрильями, войска проносят опыт первого днепровского штурма всё дальше и дальше, и уже машет над ними орлиными крыльями близкая наша победа.

Впереди — Киев, любимый брат в семье городов нашей родины.

Евгений КРИГЕР

НА ДНЕПРЕ, 13-14 октября.

(„Известия" 14-15/X 1943 г.)

★

БОРЬБА ЗА ДНЕПР

Конец сентября и начало октября на Киевском направлении ознаменовались борьбой за Днепр и за плацдармы на его западном берегу.

Показаниями пленных германских офицеров и иными документами с полной очевидностью установлено, что ставка Гитлера рассматривала рубеж Днепра как крайний предел допустимого отступления. Предполагалось сдержать натиск советских войск с помощью предмостных укреплений на восточном берегу и не допустить их непосредственно к самому Днепру. Поэтому германское командование в первую очередь было озабочено созданием предмостных оборонительных линий.

В то же время немцы продолжали создавать укреплённую линию на высотах правого берега Днепра. Река имеет здесь ширину 500—600 метров, а господствующие над местностью высоты правого берега позволяют держать под наблюдением и огнём не только переправы, но и все подступы к ним с востока. Население Приднепровья было мобилизовано на рытьё укреплений на правобережных высотах. Работами руководили офицеры и солдаты сапёрных и строительных батальонов. Дело двигалось медленно. Несколько тысяч колхозников и колхозниц, насильно согнанных сюда полицейскими, работали только тогда, когда над ними стоял надсмотрщик. Стоило немцу

удалиться, как работа прекращалась. С каждым днём число занятых на строительстве людей уменьшалось—многие разбегались и прятались в степи, в днепровских плавнях. Многим удавалось по ночам пробираться к выкопанным траншеям и противотанковым рвам и засыпать их землёй.

* * *

Бойцы моторизованной бригады вышли из Переяслава. Дорога спускалась в прибрежные луга. Шла высокая вымощенная булыжником и обсаженная ракитами дамба. Бойцы двигались по её песчаным откосам. Дамба обрывалась над самой водой. У самых ног плескался Днепр. В сумеречной мгле катил он тёмные, вспененные волны.

Понтонёры ожидали наступления темноты, чтобы приступить к наведению переправы, но разведчики и передовые подразделения уже плыли в лодках, на плотах и на брёвнах. „Юнкерсы" кружились стаями над рекой, пикируя над переправами и преследуя каждую появившуюся на воде лодку. Командир части под огнём с воздуха лично руководил переправой. Из числа добровольцев, вызвавшихся первыми пересечь Днепр, были отобраны четверо: сталинградский рабочий Иван Семёнов, пермяк Василий Сысолятин и друзья вологодцы Николай Петухов и Василий Иванов.

Четверо комсомольцев переправились на

рыбачьем челноке на правый берег и быстро пересекли узкую песчаную полосу, отделявшую их от подножья холма. По балке стали они пробираться кверху, углубляясь в расположение противника. Немцы заметили их. Завязалась перестрелка. Смельчаки отвлекли на себя внимание передовой цепи фашистов. Тем временем одно за другим переправлялись подразделения наших стрелков и автоматчиков. Сосредоточив бойцов на западном берегу, командир батальона Пишулин повёл их в атаку. Семёнов, Сысолятин и Иванов шли впереди, а Петухов ползком, в обход подбирался к немецкому пулемётчику. Он погиб, когда был уже у цели...

Батальон опрокинул немецкую цепь и занял село. Стремительный порыв советских воинов застал немцев врасплох. Многие высоты, а местами и довольно обширные плацдармы на правой стороне реки, были уже захвачены нашими частями.

Чтобы оборонять днепровский рубеж, германское командование перебросило в район Киева воздушную эскадру. Как только советские наземные войска вышли к Днепру, немецкие бомбардировщики и истребители повисли над руслом реки, стремясь обнаружить и уничтожить наши переправы.

В эти дни небо Днепра напоминало прошлогоднее небо Сталинграда. Фашистская авиация действовала группами до 100 самолётов. Были

дни, когда над Днепром, на относительно небольшом отрезке отмечалось до 2.000 пролётов вражеских бомбардировщиков и истребителей.

Завязались ожесточённые воздушные бои. Осенние, долго стоящие туманы окутывали долину реки и затрудняли патрулирование. Высота облачности часто не превышала 300 метров. Но, невзирая на это, штурмовики непрерывно сопутствовали нашей пехоте и наносили удары по переднему краю вражеской обороны. Сильный зенитный огонь и неприятельские истребители не могли преградить путь отважным и настойчивым штурмовикам. Примером их мужества служит подвиг юного офицера Александра Слабкова. Он атаковал свою цель, и в это мгновение фюзеляж и плоскость его самолёта были пробиты зенитными снарядами. Слабков довёл атаку до конца и обрушил свой горящий самолёт прямо на цель. Он погиб, похоронив вместе с собой много врагов.

Наши истребители сопровождали штурмовиков и эффективно прикрывали переправы от налётов неприятельских бомбардировщиков и разведчиков.

* * *

Операция по форсированию Днепра приобретала тем временем всё более широкий размах. Если на первых порах шли в дело так

называемые подручные переправочные средства, то теперь по многочисленным штурмовым мостикам, на плотах, надувных лодках, катерах и баржах переправлялись полки, бригады, дивизии, переправлялась боевая техника.

В то же время усиливалось сопротивление врага. Вражеские контратаки все учащались. Фашисты предпринимали контратаки силою до полка пехоты при поддержке большого количества танков и самоходных пушек. Разгорелись упорные и ожесточённые бои. Некоторые населённые пункты неоднократно переходили из рук в руки. Советские бойцы твёрдо стояли на правобережье, отбивая натиск фашистов. Они быстро окапывались и укрепляли свои позиции, встречая полчища немецких танков огнём орудий и противотанковых ружей, гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Они обрушивались на идущую за танками пехоту, уничтожая множество гитлеровцев, а остальных обращая в бегство.

В течение дня немцы шесть раз атаковали закрепившийся на правом берегу батальон капитана Ванина. Бойцы выдержали натиск. Измотав врага, они перешли в атаку и продвинулись вперёд, улучшив свои позиции. Бывали моменты, когда напор немцев достигал отчаянной силы. Но ничто уже не могло изменить основного и решающего положения: война шла не на левом, а на правом берегу;

немцам не удалось использовать Днепр в качестве оборонительного рубежа, который можно было бы удерживать относительно небольшими силами. В иных местах глубина захваченного нами правобережного плацдарма такова, что германские снаряды уже не долетают до Днепра.

П. ЛИДОВ

Правый берег Днепра, южнее Переяслава, 9 октября.
(„Правда" 10/X 1943 г.).

В НАСТУПЛЕНИИ

Первым вышел к Днепру батальон старшего лейтенанта Гаврилина. Быстрая, прозрачная вода бесшумно бежала вдоль песчаного берега. Белый, необычайно чистый песок зашуршал под ногами. Дно Днепра было покрыто таким же чистым песком, и вода, бегущая у берега, казалась светложёлтой, а песок мягко светился под ней то голубоватым, то зелёным цветом.

Впереди лежал плоский песчаный остров, поросший кустарниками. Дальше снова блестела полоса воды, а за ней в дымке вставал лесистый правый берег Днепра. Люди сошли к воде, начали умываться. Многие становились на колени и пили днепровскую воду. Они делали это не потому, что им хотелось пить после долгого и мучительно-утомитель-

ного перехода, а потому, что и умывание и питьё днепровской воды,—всё приобрело в эти минуты значение торжественного символа.

Год тому назад дивизия генерала Горишного отражала атаки 6-й германской армии, предводительствуемой фон Паулюсом, на великом волжском рубеже в Сталинграде. Бои шли у Мамаева Кургана. Таких боёв не знал мир. То не были бои за Мамаев Курган. То не были бои за один только Сталинград. То были бои за судьбу России. Думал ли кто-нибудь из тех, кто в сентябрьские дни 1942 г. среди развалин Сталинграда, на крутом берегу Волги, среди дыма и пламени, под вой пикировщиков отражал зловещий натиск германских танковых и пехотных дивизий, что через год войска Красной Армии огромным победоносным фронтом, от Смоленска до Днепропетровска, выйдут к Днепру? Мечтали ли об этом сталинградцы?

И потому-то в торжественном и молитвенном волнении люди становились на колени и пили светлую днепровскую воду. Они были свидетелями и участниками величайшего торжества нашего народа. За спиной их лежали сотни километров дороги. Когда-нибудь расскажут по радио об этом страдном пути нашей бессонной пехоты—о метелях и вьюгах, о морозах и ветрах, об осенней распутице и холодных дождях, о страшном огне немецких миномётов и орудий, о тяжёлых самоходных

пушках и танках „T-VI", нападавших из засад на передовые цепи идущей без дорог через леса и поля, реки советской пехоты.

Когда-нибудь расскажут о том, как в декабре 1941 года красноармейский ансамбль в тёмный морозный вечер пел перед бойцами песню:

Ой, Днипро, Днипро! Ты течёшь вдали.
И вода твоя, как слеза...

Это было в глубоких воронежских снегах, и бойцы, слушавшие эту песню, и сами певцы плакали—такими далёкими казались им Днепр, Украина. Людям, которые вышли к Днепру в осенний день 1943 года, не нужно было рассказывать и напоминать обо всём этом. Они несли всё это в душе своей. Вскоре вся дивизия вышла к Днепру.

Днём мы пришли на командный пункт командира стрелкового корпуса. Генерал сидел в хате у открытого окна. Перед ним на столе лежала карта, расчерченная красным карандашом. Наша артиллерия, расположенная неподалёку, вела огонь через Днепр. При каждом выстреле стекла позвякивали. Где-то значительно впереди сухо раздавались редкие разрывы—это немец „кидал", как говорят красноармейцы, с того берега мины. Генералу докладывали начальник штаба и командующий артиллерией. Человеку, работавшему раньше на заводе, могло бы показаться, что он снова попал в кабинет главного инженера большого

завода. Недаром принято называть у нас части и соединения „хозяйствами".

„Хозяйство" генерала было огромным и сложным организмом. Нормальная деятельность такого хозяйства определяется десятками условий. О чём только не приходится думать, чтобы обеспечить все эти условия. Речь у генерала и двух полковников, докладывавших ему, шла о дорогах, о переправах, о мостах, о зенитных средствах, о горючем, о ремонтных базах, об отставших понтонах, о многих видах боеприпасов, о продовольствии, о моральном состоянии бойцов, о плотах, о лодках. Говорили они не громко, просматривали донесения о подвезённых на огневые позиции снарядах для полковых пушек и дивизионной артиллерии, о наличии боеприпасов на „доцах" и о боеприпасах, находящихся в пути. Они озабоченно совещались, глядя на карту и отмечая, как растянулись коммуникации, по которым шёл подвоз всего необходимого для их большого хозяйства. Они взволнованно говорили, как бы поскорей подтянуть застрявшие в пути „цехи" своего „завода". Десятки, пожалуй, не десятки, а сотни вопросов нужно было разрешить, согласовать, чтобы стрелковый корпус, снабжённый огромной, сложной и многообразной техникой, действовал во всю мощь своего огня, действовал с наибольшим эффектом и с наименьшими потерями.

Вот один из элементов нормальных действий

военного хозяйства—связь. Но, право же, работа Московского узла связи вероятно немногим сложнее работы какого-нибудь военного хозяйства, где нужно беспрерывно,—в условиях вечного движения, внезапных изменений боевой обстановки, в условиях, когда опытный и хитрый враг делает всё возможное, чтобы помешать нормальной работе,—ежечасно и ежеминутно связывать роты, батальоны, полки и дивизии в единое, гармонично работающее целое. А ведь кроме того надо поддерживать связь с „верхом" и соседями, со средствами усиления, с танками, авиацией,—с соседями справа и слева. Радио, телефон, телеграф, посыльные, офицеры связи участвуют в этом деле.

Велик почет, который создан для наших генералов—командиров дивизий, корпусов и командующих армий. Велики и почетны награды, которых удостоены они. Но велика, огромна, тяжела и ответственность, легшая на их плечи. Ни на секунду, днём и ночью, не должны и не могут они забывать о ней. Это ответственность за успех боёв, за скорейший и полный разгром врага, за очищение нашей земли от захватчиков. И, во-вторых, это ответственность перед миллионами матерей, пославших на войну своих сыновей, это ответственность за самую кровь, ибо малейшая небрежность, неточность, малейшая неслаженность в работе военного хозяйства заставляет платить драгоценной, святой кровью бойцов.

Мы познакомились с несколькими переправами через Днепр. В первые часы и дни дело всюду шло под знаком величайшего порыва, стихийного народного энтузиазма. Всю великую тяжесть этого дела рядовые и офицеры Красной Армии с охотой и радостью приняли на себя. Люди не дожидались подхода понтонов и прочих табельных переправочных средств. Достигнув берега Днепра, они стремительно переправлялись через широкую и быструю воду на плотах, рыбачьих лодках, на самодельных понтонах, устроенных из бочек и досок.

Этот стихийный порыв помог нашей Красной Армии быстро закрепить плацдармы на правом берегу Днепра. Когда подтянулись к Днепру мощные табельные средства, когда началось строительство мостов и наведение понтонов, когда двинулись танки и тяжёлая артиллерия, могучие залпы зенитной артиллерии огненным плащом прикрыли переправы и рёв моторов наших истребителей с рассвета до заката слышался над Днепром,—в это время на правом берегу уже находилась наша пехота, вооружённая пулемётами, полковыми пушками, миномётами. Она вела ожесточённые бои с немцами, перепутав все их расчёты.

Так смелость, дерзость помогли победно разрешить сложнейшую задачу современной войны—форсирование Днепра, одной из самых больших рек нашего материка.

В этом синтезе, в единстве дерзкого вдохно-

вения и холодного расчёта, в единстве партизанской удачи с могучей силой наших пушек, танков и самолётов, в единстве мудрой науки войны и вдохновенного безумства смелых и заключается одна из отличительных черт нашей Красной Армии.

Эта черта отсутствует у вымуштрованной, вооружённой техникой и опытом ремесленной армии немецких фашистов.

...Такие вечера часто бывают на Украине в осеннюю пору. Широкие, как на рисунках Доре, полупрозрачные лучи заходящего солнца освещали западный берег Днепра. Облака на горизонте светились, как огромные, лёгкие фонари, полные розовых лучей. Далёкий сосновый лес темнел под небом, полным мирной прелести и вечернего света. А на земле красное большое пламя вырывалось из беспокойного дыма, стоявшего над горящей деревней, и ослепительно вспыхивал прямой, яркий блеск снарядных разрывов и пушечных выстрелов.

На земле шла битва за Правобережье. Тёмные немецкие самолёты низко проносились над прибрежной землёй. Слышались каркающие очереди их пулемётов. И, удивительно, какая-то глубокая, полная внутреннего смысла связь была между этим светлым вечерним небом и адом, бушевавшим на земле. Грохот освободительной битвы гармонировал с благородной тишиной и покоем неба.

В этот вечер мы сидели на брёвнах возле

командного пункта командира гвардейской дивизии генерала Горишного. Командный пункт помещался в брошенном немцами дзоте. Массивные брёвна пахли сосновой смолой.

Горишный негромким, спокойным голосом рассказывал о ходе боя. Ожесточение битвы на правом берегу Днепра напоминало бои в Сталинграде, на правом берегу Волги. Десятки злых контратак предпринимали немцы. Самоходные пушки, огонь тяжёлых миномётов, артиллерия и авиация поддерживали немецкую пехоту, поднимавшуюся много раз на день в тщетном стремлении сбросить наших бойцов в Днепр. Многократно возникали гранатные бои, завязывались рукопашные схватки, в которых наши бойцы кололи немцев штыками, рубили лопатками. В медико-санитарные батальоны поступали раненые со штыковыми и ножевыми ранами. Всё свидетельствовало о необычайной жестокости боёв на правом берегу Днепра.

Трудно было окапываться в первое время, когда бои шли на самой прибрежной полосе. Едва бойцы вырывали в песке окоп глубиной в полметра, как выступала вода, и стены окопа заваливались. Теперь, когда шаг за шагом наши войска расширяют плацдарм, когда на правом берегу обосновалась не только пехота, но и мощная наша техника, когда под ногами бойцов твердая почва, а за спиной уже не десятки и сотни метров, а километры право-

бережья,—нет уже теперь силы, которая могла бы нас отбросить обратно, нет силы, которая может помешать нашему движению вперёд.

Иногда Горишный подходит к телефону, находящемуся в неглубоком окопе, и разговаривает с командирами, ведущими бой. Он говорит с ними таким же спокойным, несколько протяжным голосом украинца, каким беседует с нами. Многих командиров называет он по имени и отчеству. Ведь людей дивизии связывает долгая боевая дружба, братство сталинградских боёв. И может быть потому так спокойно звучит его негромкий голос здесь, на Днепре, что крепка и непоколебима его вера в людей, сражавшихся вместе с ним у Мамаева Кургана и на заводе „Баррикады"—год назад, на великом волжском рубеже.

Горишный прислушивается иногда к хаосу звуков и по слуху определяет, что происходит на поле боя, какой из его дивизионов открыл огонь, по какому батальону пришёлся огневой налёт противника. Хаос боя не был для него хаосом, он уверенно разбирался в нём и читал его. В этот вечер, когда в высоком небе стояла ясная тишина, а на земле, в дыму, среди туч земли и песка, поднятых взрывом, шёл бой,—пролилось много крови сталинградцев. Донесли, что убита сотрудница медико-санитарного батальона Галя Чабанная. Горишный и его заместитель полковник Власенко оба вскрикнули. Горишный сказал:

— Ах, ты, боже мой, когда после победы мы уезжали из Сталинграда, на остановках выбегали и в снег друг дружку бросали. И её, помню, мы купали в снегу, и она смеялась так, что весь эшелон слышал. Никто во всей дивизии не смеялся громче и веселей...

Пришёл на командный пункт заместитель командира батальона старший лейтенант Сурков. Шесть ночей не спал он. Лицо его обросло бородой. Но не видно усталости в этом человеке, он весь ещё охвачен страшным возбуждением боя. Может быть, через полчаса он уснёт, положив под голову полевую сумку, и тогда уже не пробуй разбудить его. А сейчас глаза его блестят, голос звучит резко, возбуждённо. Этот человек, бывший до войны учителем истории, словно несёт в себе огонь днепровской битвы. Сурков рассказывает о немецких контратаках, о наших ударах, рассказывает, как три раза откопал засыпанного в окопе посыльного, своего земляка, когда-то бывшего его учеником в школе. Сурков учил его истории. Сейчас они оба—боевые участники событий, о которых будут через сто лет рассказывать школьникам.

А вечернее небо становилось всё величавей, всё торжественней и выше. И под этим небом на холодном песке у Днепра лежала мёртвая девушка, смеявшаяся громче всех в дивизии, пришедшей с далекой Волги.

Вас. ГРОССМАН

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

(„Красная звезда“ 15/X 1943 г.)

ПЕРЕД КИЕВОМ

Этому селу повезло: здесь были партизаны. Белеют мазанки. Мычат коровы. Один телёнок отстал от стада. Девчонка стыдит его: „дурной“. Ноги вязнут в песке. Здесь звуки войны особенно громки—песок. В хате звенят стекла: это немцы снова бомбят переправу. Просыпаясь от грохота, я вспоминаю: да ведь я на правом берегу Днепра...

Я проехал мимо десятков сожжённых сёл. Ещё розовели головёшки. Женщины и детишки раскапывали пепел. Я видел это много раз—от Бородина до Дарницы, но разве можно к этому привыкнуть? Это жжёт сердце. Кажется, что шинель пропиталась запахом гари. Я не забуду рослого рыжего немца, который, обезумев, кричал: „Нам капут, а я спалил три дома!“. Он смеялся, и смех был страшным—судорога, оскал агонии.

Трудно поверить: я на правом берегу Днепра. В этих словах какая-то магия. Широк Днепр, пожалуй, чересчур широк, когда едешь на пароме, а в небе уже разворачиваются немецкие бомбардировщики. В узких местах—500—600 метров. Как одолели бойцы эту преграду? Другие расскажут о разведке сапёров, о подготовке, об опыте Десны. Я сейчас хочу сказать о другом: о чувствах. На что только не способен человек, если что-то в нём горит, ёкает, распирает сердце? „Днепр“, „Днепро!“—

восклицали люди, увидев реку. Некоторые умывались днепровской водой, другие пили священную воду. Старики из сожжённых деревень тащили припрятанные лодки, гребли. Люди переплывали широкую реку на плотах, на бочках, на брёвнах, на воротах. Первый, ступивший на правый берег, тотчас схватил лопату и стал рыть окопчик.

Потом, как в сказке, выросли мосты. Сапёры часами стояли в холодной воде. Санитары под бомбами подбирали раненых. Когда переправа наведена, налетают бомбардировщики. Но никакая сила больше не может остановить бойцов: они рвутся вперёд.

Немцы вот уж добрый год, как говорят и пишут о „линии Днепра". Пленные рассказывают, что во время отступления фрицев подбодряли одним словом „Днепр". В „линию Днепра" верили и немецкие офицеры. Я говорил с капитаном Вандевальдом из 339 пд. Он воевал в Польше и во Франции. Его глаза элегически светятся, когда он говорит: „Я провёл полгода в Шамбертене",—вспоминает прославленное бургундское вино. Этот капитан, украшенный двумя железными крестами, увидев русских на правом берегу Днепра, оробел и добровольно сдался в плен. „Где же восточный вал?"—восклицает он.—„Нас всё время обманывали". Другой немецкий офицер мне сказал: „Мы пережили два страшных удара—Сталинград и крах нашего летнего наступле-

ния. Русские на правом берегу Днепра—это третий удар и, скажу прямо, самый страшный. Ведь позади у нас нет таких мощных естественных рубежей".

Немцы делают всё, чтобы отбросить наши части на левый берег. Они подвезли несколько дивизий с других участков фронта. Одна из этих дивизий ещё недавно была под Ленинградом. На один из отрезков правобережного фронта в междуречьи немцы подбросили две танковых и две пехотных дивизии. Противник яростно контратакует—со времени Орла и Белгорода не было таких упорных боёв. Немецкие дивизии, потрёпанные у Севска, у Сум, у Рыльска, отброшенные в своё время к Киеву, получили там пополнение. Многие пленные, с которыми я говорил, прибыли из Франции в сентябре. Это юнцы или тотальные фрицы. Они показывают: „Приказано во что бы то ни стало очистить правый берег".

28 сентября ефрейтор Ганс Лабойме писал родным: „Я стою около большой реки, которая называется Днепр, и охраняю, чтобы русские не перебрались на наш берег. У меня только то, что на мне, ничего больше не осталось, — нам пришлось всё побросать, так как русские нас преследовали по пятам. Мы выглядим, как свиньи—нет ни мыла, ни бритвы, ни полотенца. Молитесь усердней, а я даже надел на шею чётки с крестом".

Чётки не помогли Гансу Лабойме: русские пе-

реправились на правый берег. Лейтенант Вайс мрачно говорит мне: „Днепр—наша последняя надежда“.

Днепр теперь больше чем река — и для них и для нас. Здесь решается вопрос о сроках развязки боёв—на песчаных берегах, в местах, до войны хорошо знакомых киевским дачникам.

Нужно ли говорить о трудностях? О том, как вязнут в песках орудия? О том, как переправляют через реку танки? О мостах, которые мгновенно возникают вместо разрушенных? О переправе конницы? О мужестве сапёров? О восстановительных батальонах железнодорожников? Я вижу вокруг себя не легендарных героев — обыкновенных людей, они калякают, ругаются, проклинают „раму“, мечтают о миске горячих щей, но то, что они делают, воистину легендарно.

Киев—днем и ночью он как бы маячит перед всеми. Я видел людей, недавно убежавших оттуда. Они рассказывают, что немцы вывозят из города всё—от станков до ковриков. Забиты все дороги. Деревни, заселённые немецкими „колонизаторами“, опустели.

Спасти Киев—вот что подымает даже смертельно усталых людей. Все знают — если уцелела хата—значит немцы не успели её сжечь. Опередить факельщиков, обогнать смерть — вот обет и клятва на переправах, в боях.

Сожжены Бровары. Нет больше Дарницы. На

Трухановом острове немцы убили стариков и старух. Что ждет Киев?

Стоят тёплые, прозрачные дни. В лесу вокруг Дарницы зелёная тишина, паутина, грибы, мох. Вот и пески—их помнит каждый, кто подъезжал с востока к Киеву. Под соснами бойцы курят самосад. Один поёт: „Ой, Днепро, Днепро...". Вот и Киев. Кажется, что он рядом. Купола Лавры, дома, обрывы, Александрийский сад, в котором я играл сорок лет тому назад. У Лавры немецкие миномёты... Я гляжу и не могу оторваться—старый милый Киев... Падают медные листья в его садах. Идут девушки по его горбатым улицам. Они тоже глядят, не могут оторваться — они глядят на Слободку. А с севера до них доносятся голоса орудий.

Великие дни мы переживаем: Днепр, Киев

Илья ЭРЕНБУРГ

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

(„Красная звезда" 14/X 1943 г.)

Ответ. за выпуск *Н. Богданова*

Корректор *Н. Пржевальская*

НГ25092 29/X 1943 Тир. 10000. П. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5 Цена 30 к.

Саратов. Типография № 1 Полиграфиздата. Заказ № 312